

В. В. Малащенко

**А. И. СОЛЖЕНИЦЫН В РЕЦЕПЦИИ С. ДОВЛАТОВА
(НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ
ПРОЗЫ, ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ)**

На материале разнородных текстов С. Довлатова рассматривается отразившееся в них восприятие А. Солженицына как писателя и участника русского литературного зарубежья. Устанавливается, что имя Солженицына не было рядовым для Довлатова, а имело для него знаковый смысл. При этом анализ авторских номинаций, контекстов, скрыто и открыто оценочных оборотов речи в «солженицынском тексте» Довлатова позволяет выявить неоднозначность и динамику его отношения к автору «Архипелага»: от восхищенно-уважительного в ранний период творчества до критически-иронического – в последние годы жизни Довлатова.

Based on a number of literary, journalistic and epistolary texts the author explores S. Dovlatov's perception of A. Solzhenitsyn as a writer and a representative of Russian literature abroad. A. Solzhenitsyn was not just a name for S. Dovlatov, but rather a most outstanding personality. The article describes S. Dovlatov's complicated attitude to A. Solzhenitsyn, the author of the "The Gulag Archipelago". His attitude changed over time: from admiration and respect during the early period of S. Dovlatov's literary career to criticism and irony in the last years of his life.

Ключевые слова: Довлатов, Солженицын, имя, знак, авторитет, ирония.

Keywords: Dvlatov, Solzhenitsyn, name, sign, authority, irony.

В 1990 г. в журнале «Огонёк» вышло интервью Сергея Довлатова (1941 – 1990) Виктору Ерофееву под названием «Дар органического беззлобия». Заголовок интервью максимально точно отразил как главную черту характера С. Довлатова, так и специфику онтолого-аксиологической поэтики произведений писателя. В его прозе читатель практически никогда не найдет озлобленности, зависти, ненависти, оскорблений, унижений и подобных черт характера и их проявлений, присутствующих отдельным представителям рода человеческого.

Прожив почти 37 лет в Советском Союзе, летом 1978 г. Довлатов был вынужден эмигрировать из СССР сначала в Австрию, в Вену, а затем в Америку, в Нью-Йорк. В интервью В. Ерофееву Довлатов, еврей по отцу и армянин по матери (по паспорту – Довлатов-Мечик), пишет об этом так: «А затем, когда пришло время уезжать, выяснилось, что для этого необходимо быть евреем. Став евреем в августе 1978 года, я получил формальную возможность уехать» [4, с. 347]. Причин для отъезда из СССР было несколько, но главная из них – катастрофическая невозможность печататься дома, трагическая невозможность быть писателем,

в том числе невозможность стать официально признанным писателем. В одном из писем на родину, от 12 июля 1982 г., сам Довлатов говорит о том, что для него «эмиграция была единственным выходом, единственной дорогой к литературе» [8]. В СССР были опубликованы всего два его произведения: «ужасная пролетарская повесть» «Завтра будет обычный день» и повесть «Интервью», «безусловно, ничтожное произведение» [4, с. 348] по мнению самого писателя. Широко известен тот факт, что С. Довлатов никогда не разрешал перепечатку своих произведений, опубликованных в СССР. Уже за полтора года до отъезда появились первые его публикации на Западе, и присоединение к третьей волне эмиграции было делом ближайшего времени.

В творческом наследии Довлатова — художественной и публицистической прозе, переписке — неоднократно встречается имя А. И. Солженицына (1918—2008). Современная исследовательница, лингвист М. Хлупина пишет, что ее картотека «насчитывает 88 контекстов, в которых содержится исследуемое прецедентное имя, использованное в художественных, публицистических и эпистолярных текстах Довлатова» [9, с. 75]. К великому русскому писателю и публицисту, широко известному политическому и общественному деятелю, живому литературному классику, своему собрату по перу и старшему современнику С. Довлатов, безусловно, относился с глубоким почтением. Не случайно он вспоминает о Солженицыне в своей настоящей первой и главной книге — «Зона: записки надзирателя» (1982), с которой началось, по собственному его свидетельству, «злополучное писательство» [5, т. 1, с. 27]. В «Письме к издателю», предваряющем «Зону», имя Солженицына упоминается 6 раз:

Как выяснилось, найти издателя чрезвычайно трудно. Мне, например, отказали двое. И я не хотел бы этого скрывать.

Мотивы отказа почти стандартны. Вот, если хотите, основные доводы:

Лагерная тема исчерпана. Бесконечные тюремные мемуары надоели читателю. После Солженицына тема должна быть закрыта...

Эти соображения не выдерживают критики. Разумеется, я не Солженицын. Разве это лишает меня права на существование?

Да и книги наши совершенно разные. Солженицын описывает политические лагеря. Я — уголовные. Солженицын был заключенным. Я — надзирателем. По Солженицыну лагерь — это ад. Я же думаю, что ад — это мы сами...

Поверьте, я не сравниваю масштабы дарования. Солженицын — великий писатель и огромная личность. И хватит об этом [5, т. 1, с. 27—28].

Солженицын и Довлатов жили в Америке в одно и то же время, но лично знакомы не были. Отметим, что из третьей волны эмиграции в США Солженицына практически никто не видел, так как слишком велика была дистанция между признанным писателем мирового масштаба, нобелевским лауреатом и диссидентами «третьего созыва».

Близкий друг и коллега Довлатова по еженедельной газете «Новый американец» Александр Генис отмечает любопытную деталь нейтрально-безразличного отношения Солженицына к Довлатову: «Говорят, что

вернувшийся в Россию Солженицын спросил, что тут без него появилось хорошего. Ему принесли первый том Довлатова, потом — второй, наконец — третий. И это при том, что в Америке Солженицын Довлатова не замечал, как, впрочем, и всю нашу Третью волну» [2]. И тем не менее, по-видимому, не теряя надежду найти отклик и получить отзыв или оценку на свои произведения со стороны выдающегося современника, Довлатов посылал Солженицыну все свои новые книги. А. Генис пишет: «На этот случай он придумал исключаящую унижение надпись: сочту, мол, за честь, если книга найдет себе место в вашей библиотеке. Пока Сергей был жив, Солженицын не отвечал. Потом, говорят, прочел и хвалил. Оказалось, что у них много общего» [2]. С. Д. Довлатов умер в Нью-Йорке от сердечного приступа 24 августа 1990 г., а 27 мая 1994 г. Солженицын вернулся в Россию. Им так и не пришлось познакомиться друг с другом. Довлатов не дождался оценки своих произведений великим современником.

Акклиматизация С. Довлатова в США проходила непросто. Она включала бытовые и творческие проблемы и трудности. В его письмах из Америки гражданской жене Тамаре Зибуновой имя Солженицына встречается трижды. В письме от 12 июля 1982 г. Довлатов описывает свои впечатления об Америке и рассказывает, кто из русских эмигрантов творческих профессий (писателей, художников, музыкантов, актеров, кинематографистов) популярен и хорошо зарабатывает в США. Этот список «открывают» имена М. Шемякина, М. Барышникова, М. Ростроповича. Из писателей наиболее успешен, по мнению С. Довлатова, И. Бродский. Вторым по популярности писателем Довлатов называет Солженицына и, что наиболее интересно, отмечает собственную значимость, место и определенную близость к Солженицыну в списке имен русских писателей-эмигрантов: «По-прежнему на огромной высоте Солженицын, хотя его известность падает, а доходы резко уменьшаются. Дальше идет большой интервал, а потом следует группа из 5–6 человек — Аксенов, Войнович, Гладилин и так далее, сюда же отношусь и я, это те, кто зарабатывает литературой, причем Аксенов, например, среди русских весьма известен, но в американской сфере мои дела обстоят гораздо лучше, я печатаюсь в лучших журналах и контракт у меня с лучшим издательством» [8].

В письме от 22 ноября 1983 (либо 1984) г. Довлатов пишет о литературной обстановке в среде русской эмиграции и приводит субъективно-грустную оценку И. Бродского с укороченной формой имени писателя: «Солжа, если что, позовут домой, а меня — нет» [8].

И в третьем письме, от 20 апреля 1985 г., писатель надеется на то, что его «тюремная книжка» сможет принести определенные деньги, и приводит цитату из аннотации к ней: «Герои Довлатова горят так же ярко, как у Солженицына, но в гораздо более веселом аду» [8].

В посланиях своим друзьям Довлатов не скован официально-цензурными рамками, а потому предельно откровенен, остроумен, ироничен и часто использует сниженную разговорную, а порой и обсценную лексику. Например, в письме к его другу Науму Сагаловскому от 31 июля 1985 г. имя Солженицына возникает в иронично-сниженной форме:

«Земля круглая потому, что вертится, а куры носят яйца, как и все мы, включая Солженицына» [7, с. 339]. Из письма Андрею Арьеву от 6 января 1989 г. читатель узнаёт о непростых отношениях и разладе Довлатова с литературоведом Львом Лосевым (Лифшицем) именно, как пишет Довлатов, «из-за моей недооценки Солженицына — здесь это бывает» [7, с. 351].

В художественной прозе писателя имя Солженицына встречается неоднократно, в различных контекстах и с различной семантической маркированностью. В «Соло на ундервуде» (1980) оно называется дважды с явно эмфатической семантикой, в иронически-анекдотическом фрагменте, пародийно изображающем министра культуры СССР Екатерину Фурцеву:

Министр культуры Фурцева беседовала с Рихтером. Стала жаловаться ему на Ростроповича:

— Почему у Ростроповича на даче живет этот кошмарный Солженицын?! Безобразие!

— Действительно, — поддакнул Рихтер, — безобразие! У них же тесно. Пускай Солженицын живет у меня... [5, т. 3, с. 279].

В «Зоне», как мы уже упоминали, имя Солженицына встречается 6 раз. В «Заповеднике» (1983) — 4 раза. В первый раз это происходит во время «беседы» в КГБ, когда майор Беляев дает главному герою Борису негативную оценку, сравнивая его с «предателем», диссидентом Солженицыным: «Литературным власовцем заделался не хуже Солженицына» [5, т. 1, с. 408]. Затем имя писателя трижды (один раз в полной форме) звучит в доме героя, когда он возвращается в Ленинград. В данном фрагменте имя Солженицына репрезентировано в почтительно-уважительной форме:

Худой, бородатый старик почти кричал:

— Надеюсь, господа, тут все свой?! Так что позвольте мне забыть о конспирации. Я должен передать кое-что Александру Исаевичу Солженицыну...

Дальнейшее старик отчеканил хорошо поставленным голосом:

— Я разрешаю Солженицыну опубликовать без купюр мою фронтовую поэму «Люська». Причитающийся мне гонорар я отдаю в фонд Солженицына. Упомянуть при этом мою настоящую фамилию категорически запрещается. Мой псевдоним — Андрей Колымский!.. [5, т. 1, с. 410–411].

Наиболее частотно (17 случаев) упоминание имени Солженицына в книге «Марш одиноких» (1983), которая описывает период работы Довлатова в еженедельнике «Новый американец». Например:

К Солженицыну прислушивается весь мир [7, с. 24].

Исключительный художественный талант Солженицына не вызывает разногласий. Идеи Солженицына, его духовные, нравственные, политические установки вызывают разноречивую обоснованную критику.

<...>

Голос Солженицына звучит на весь мир. А значит, голоса его критиков и оппонентов тоже должны быть услышаны. Этому принципу следует наша газета...

Всякое большое явление обрастает суетой и мелочной накипью. То и дело раздаётся бездумный писк бездумных и угодливых клеветников Солженицына:

– Кто посмел замахнуться на пророка?! Его особа священна! Его идеи вне критики!..

<...>

Мы восхищаемся Солженицыным и потому будем критически осмысливать его работы [7, с. 39–40].

И как благородно на этом фоне звучит мирный призыв Солженицына: «Живите не по лжи!» [7, с. 94].

Диссидентом я стал в Америке.

<...>

Как умел, противоречил благоговейным и туповатым адептам великого Солженицына. Потому что нет для меня авторитетов вне критики... [7, с. 97].

В этой небольшой, в 91 страницу, книге «Марш одиноких» фамилия Солженицына возникает в разных контекстах. И здесь рецепция Довлатовым нобелевского лауреата «включает» яркую и многообразную палитру – от мифологизированного личного физического «контакта» [7, с. 9], сознательного восхищения и преклонения перед неоспоримым авторитетом диссидента «в законе» до иронического и критического осмысления личности Александра Исаевича.

В повести «Наши» (1983), в которой иронико-юмористически представлена родословная предков Довлатова, фамилия Солженицына встречается 4 раза. Ироническое отношение к писателю передано трижды в 6-й главе через мировоззрение дяди Арона, который «полюбил Ленина, а также полюбил Солженицына. <...> В последние годы жизни он был чуть ли не диссидентом. Но диссидентом умеренным. Власова не признавал. Солженицына уважал выборочно» [5, т. 2, с. 185]; «У изголовья его висел небольшой портрет Солженицына. Когда приходили гости, дядя его снимал...» [5, т. 2, с. 189]. И один раз имя писателя представлено в нейтральной форме (в 11-й главе) – через восприятие матери Довлатова, когда она вместе с сыном жила в Австрии перед их окончательным отъездом в Америку: «Мы поселились в гостинице "Адмирал". Мать целыми днями читала Солженицына» [5, т. 2, с. 238].

В книге «Ремесло» (1985) имя Солженицына встречается 14 раз. Приведу наиболее яркую и показательную цитату:

Помню, мы опубликовали в «Зеркале» рецензию на книгу Солженицына. И были в ней помимо дифирамбов мягкие критические замечания.

Боже, какой начался шум!

– Кто смел замахнуться на пророка?! Его особа священна! Его идеи вне критики!.. [5, т. 2, с. 122].

Здесь снова возникает критическое отношение как к Солженицыну, так и к его фанатичным адептам и почитателям, негодующие высказывания которых переданы автоцитатой из «Марша одиноких». Как отмечает М. А. Хлупина, «сочетание лексем с книжной и разговорной окраской, характеризующих почитателей творчества Солженицына, свидетельствует о критическом отношении Довлатова к ним» [9, с. 75–76]. И в то же время Довлатов последовательно и твердо отстаивает свое право на свободу мнения, не совпадающего с позицией большинства. Эту принципиальность, объективность, здравый смысл Довлатова, не затронутый никакими идеологическими шорами, в свое время подчеркнул И. Бродский, рассуждая о прагматике текстов писателя и их рецепции: «признательность за отсутствие претензии, за трезвость взгляда на вещи, за эту негромкую музыку здравого смысла, звучащую в любом его абзаце» [1, с. 359].

Еще немного «статистики» по частотности присутствия имени Солженицына в прозе Довлатова. В «Иностранке» (1986) оно возникает 3 раза, в «Чемодане» (1986) – 2, в «Филиале» (1990) – 3. В общей сложности во всех крупных прозаических текстах, за исключением повести «Компромисс» (1981), имя Солженицына встречается 55 раз.

В публицистике и филологической прозе Довлатова имя Солженицына также упоминается достаточно часто, и спектр оценок столь же широк. В публицистических заметках «Литература продолжается» (1981) Довлатов в числе кумиров определенного периода своей жизни называет Синявского и Солженицына, о последнем он пишет: «Солженицын – гениальный художник, взывающий к человеческому сердцу» [7, с. 245].

В статье 1981 г. «Блеск и нищета русской литературы» имя писателя названо 4 раза, в одном контексте с именами Пушкина, Толстого, Достоевского, Тургенева, Гоголя и Чехова. Довлатов рассуждает о том, что когда писатели «переключаются» от творчества к общественно-политической деятельности, то почти всегда терпят фиаско.

Примером такой глобальной неудачи можно считать публицистическую деятельность Солженицына, который начал с потрясающих романов, но, оказавшись на Западе, выступил в роли обличителя и пророка, возглавив чрезвычайно опасную, национально-христианскую и в конечном счете – авторитарную тенденцию в русской общественной мысли, изрядно скомпрометировав себя в глазах тех читателей, кто хотел бы видеть будущую Россию – европейским демократическим государством.

Литературным антиподом Солженицына можно считать великого русского поэта Иосифа Бродского, моего давнего знакомого и кумира, который не соблазнился никакой общественно-политической ролью, остается поэтом, художником, творцом, и, кстати сказать, подвергается за это довольно резкой критике в русской эмигрантской печати, где доживают свой век последователи Белинского и Добролюбова, не обладающие их бескорыстием и страстью, но преумножившие их заблуждения [3].

Однако в финале статьи автор тактично и с надеждой заключает: «С бесконечным нетерпением мы ждем новых художественных книг Солженицына» [3].

Прямо или косвенно имя Солженицына в текстах Довлатова выступает в форме определенного культурного знака, маркера высокого литературного и морально-эстетического качества. Апелляция к имени Солженицына может функционировать как своеобразная оценка наличия / отсутствия интеллигентности и богатого внутреннего мира у героев произведений Довлатова.

Отношение С. Довлатова к А. Солженицыну в художественной, публицистической прозе и эпистолярном наследии не было застывшим, статичным. Оно простиралось от восхищения в начале творчества писателя до иронии, принимающей различные оттенки, и откровенной критики в последние годы жизни Довлатова. На наш взгляд, это было связано с тем, что Довлатов вначале интуитивно, а позже и объективно осознал собственную значимость и значимость своих произведений на литературной карте России и эмигрантской Америки. О месте Довлатова на литературном Олимпе очень точно — к сожалению, только после смерти писателя — сказал Лев Лосев: «В англоязычном мире Довлатов из русских писателей, пожалуй, по известности стоит непосредственно вслед за нобелевскими лауреатами Бродским и Солженицыным» [6, с. 369].

Список литературы

1. Бродский И. О Сереже Довлатове («Мир уродлив, и люди грустны») // Довлатов С. Собр. соч. : в 3 т. СПб., 1993. Т. 3. С. 355–362.
2. Генис А. А. Довлатов и окрестности. М., 1999. URL: <http://iknigi.net/avtor-aleksandr-genis/76672-dovlatov-i-okrestnosti-aleksandr-genis/read/page-2.html> (дата обращения: 22.08.2018).
3. Довлатов С. Блеск и нищета русской литературы. URL: <http://sergeidovlatov.com/books/blesk.html> (дата обращения: 30.06.2018).
4. Довлатов С. Дар органического беззлобья: интервью Виктору Ерофееву // Собр. соч. : в 3 т. СПб., 1993. Т. 3. С. 347–352.
5. Довлатов С. Собр. соч. : в 3 т. СПб., 1993.
6. Лосев Л. Русский писатель Сергей Довлатов // Довлатов С. Собр. соч. : в 3 т. СПб., 1993. Т. 3. С. 363–371.
7. Малоизвестный Довлатов : сб. СПб., 1996.
8. Письма Сергея Довлатова Тамаре Зибуновой из США. URL: <http://zibupovna.narod.ru/dovlatov/DVLTRNY1.htm> (дата обращения: 25.06.2018).
9. Хлупина М. А. Прецедентное имя Солженицын в текстах С. Д. Довлатова // Вестник МГОУ. Сер.: Русская филология. 2014. №3. С. 74–78.

Об авторе

Владимир Владимирович Малащенко — канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: vladmalkbg@yandex.ru

The author

Dr Vladimir V. Malashchenko, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: vladmalkbg@yandex.ru